

7. *George, A.* The operational code: A neglected approach to the study of political leaders and decision-making / A. George // *International Studies Quarterly* – 1969 – № 25. – P. 190–222.
8. *George, A.* The causal nexus between cognitive beliefs and decision-making behavior: The ‘operational code’ / A. George // *Psychological Models in International Politics*. – Boulder: Westview, 1979. – P. 95–124.
9. *McLellan, D.* The Operational code approach to the study of political leaders: Dean Acheson’s philosophical and instrumental beliefs / D. McLellan // *Canada journal of political science*. – 1971. – P. 52–75.
10. *Johnson, L.* Operational codes and the prediction of leadership behavior: Senator Frank Church midcareer/ L. Johnson // *A Psychological Examination of Political Leaders*. – New York: Free Press. – 1977.
11. *Holsti, O.* The Operational code approach to the study of political leaders: John Foster Dulles philosophical and instrumental beliefs. / O. Holsti // *Canada journal of political science* – 1970. – № 3. – P. 123–157.
12. *Walker, S.* The interface between beliefs and behavior: Henry Kissinger’s operational code and the Vietnam War / S. Walker // *Journal Conflict Resolution*. – 1977. – № 21. – P. 129–168.
13. *Asbhy, N.* Schumacher and Brandt: The divergent operational codes of two German Socialist leaders / N. Asbhy // *Stanford University mimeo* (1969).
14. *Holsti, O.* The operational code as an approach to the analysis of belief systems / O. Holsti // *Final Report to the National Science Foundation, Grant SOC 75-15368*. – Duke University Durham: New C. – 1977. – 123 p.
15. *George, W.* Explaining State Crisis Behavior Using the Operational Code / W. George. – University of Central Florida, 2011. – 104 p.
16. *Stuart, D.* The inherent bad faith model reconsidered: Dulles, Kennedy, and Kissinger / D. Stuart, H. Starr // *Political Psychology* – 1981/82. – № 3. – P. 1–33.
17. *Marcus, G. E.* Affective Intelligence and Political Judgment / G. E. Markus, R. Neuman, M. Mackuen. – University of Chicago press: Chicago, 2000. – 193 p.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

Н. Н. Малишевский

Республиканский институт высшей школы, Минск

N. N. Maliszewski

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.02

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

POLITICAL TECHNOLOGY: DEFINITION AND CLASSIFICATION

В статье рассматривается проблематика современных политических технологий. Проведенный автором анализ позволил разделить господствующие в обществе технологии человеческой деятельности по отношению к знаниям и обладанию ими на производственные технологии изменения и преобразования «неживой» материи (High-Tech технологии) и управленческие технологии, связанные с форматированием «живой» материи

и, прежде всего, человеческого сознания – коллективного и индивидуального (*High-Hume* технологии), а также дать определение политическим технологиям и классифицировать их.

Ключевые слова: технологии человеческой деятельности; политические технологии; информация; производственные технологии; управленческие технологии; НБИК-технологии; конвергентные технологии; *High-Tech* технологии; *High-Hume* технологии; информационные технологии; аналитика; прогнозирование; манипулирование; контроль; «чистка мозгов»; политические PR-технологии; политические психотехнологии.

The problems of political technologies are discussed in the article. The analysis carried out by the author made it possible to divide the technologies of human activity prevailing in society in relation to knowledge and their possession into production technologies for changing and transforming “inanimate” matter (High-Tech technologies) and management technologies associated with the formatting of “living” matter and, above all, human consciousness – collective and individual (High-Hume technologies), as well as define and classify political technologies.

Keywords: political technology; information; brain-washing; High-Tech technology; High-Hume technology; Public Relations; production technologies; management technologies; analytics; forecasting; information technology; manipulation; control; political psychotechnology.

Проблема политических технологий, рассматриваемых сквозь призму методов ведения политической борьбы в демократических государствах, впервые в Новое время стала предметом анализа у европейского создателя теории неизбежности наступления демократии Алексиса де Токвиля [1]. Особое внимание уделил данной теме и современный американский политолог Майкл Паренти [2]. В работах этих авторов заложены основы исследования технологий политической борьбы (в широком смысле), которые используются (в узком смысле), в том числе и в выборных кампаниях типа плебисцитов (античные голосования на форумах и средневековые на сеймах, славянские вече, собственно референдумы и избирательные кампании в современном смысле слова).

В наше время тема политических технологий, порой отождествляемых на Западе с «эвфемизмом, обычно используемым в постсоветских республиках для обозначения того, что сейчас является высокоразвитой индустрией политических манипуляций» [14], исследуется в рамках политического маркетинга. Данная научная дисциплина, возникшая в США, стала теоретическим основанием прежде всего для разработок новых технологий избирательных кампаний. Это несколько заузило трактовку и рамки применения политических технологий, сводя их к методам и приемам, используемым в основном во время конкретных политических кампаний и плебисцитов. В более широком плане и трактовке свой вклад в понимание социокультурного контекста возникновения и развития современных политических технологий и механизма их действия внесли работы семиолога Р. Барта [3], социологов Ж. Бодрийяра [4], П. Бурдьё [5], Ж.-Ф. Лиотара [6], П. Лазарсфельда [7], А. Маслоу [8].

К сожалению, в настоящее время фактически отсутствуют исследования, обобщающие особенности политических технологий применительно к реалиям современных политических процессов. Как следствие, даже само понятие «политические технологии» в русскоязычных публикациях весьма размыто и неопределенно, а «термин, столь часто употребляемый политическими консультантами и политиками всех уровней, еще не получил достаточной разработки

ни в рамках политологии, ни в рамках политического менеджмента» [9, с. 58] и зачастую его содержание неоправданно сужается и сводится только к избирательным технологиям. Все это делает проблему политических технологий актуальной и требующей дальнейших исследований.

Возникает необходимость дать определение феномену политических технологий как чему-то целому, что является как теоретически, так и практически актуальной задачей, поскольку они занимают исключительно важное место не только в избирательных кампаниях и политическом процессе, но и в современном процессе глобализации, главное в котором – это изменение предмета труда. Человек всегда обеспечивал свое существование, изменяя своим трудом природу. Технологии совершили революцию в этой сфере. Сегодня преобразование «неживой» материи и окружающей среды, которым занималось человечество с момента своего появления, стало менее прибыльным. Его место все активнее занимает более эффективное в коммерческом плане преобразование «живой» материи. И, прежде всего, – преобразование человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Термин «технология» пришел в политику из производства (от греч. *technē* – искусство, мастерство, умение; *logos* – понятие, знание). Этот термин описывает способы, с помощью которых человек воздействует на объекты материального мира с целью изменения их качеств и придания им других свойств. Необходимо отметить, что технологическое знание по своей сути ориентировано не на объяснение происходящих событий и явлений, а на обоснование и развитие способов и методов достижения поставленных целей [10, с. 140]. В целом, по отношению к знаниям и обладанию ими, господствующие в обществе технологии человеческой деятельности можно разделить на:

1) **ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ** технологии изменения и преобразования «не живой» материи (**High-Tech**).

2) **УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ** технологии, связанные с форматированием «живой» материи и, прежде всего, человеческого сознания – коллективного и индивидуального (**High-Hume**).

Собственно политическими технологиями в настоящее время являются технологии преобразования социума и каждого его элемента, то есть самих людей. В самом общем виде политические технологии определяют как «совокупность способов, методов и процедур воздействия на массы людей с целью придания их политическому поведению характера, благоприятного для достижения определенных политических или управленческих целей» [10, с. 140]. По аналогии с наиболее «продвинутыми» производственными технологиями High-Tech их можно назвать **конвергентными High-Hume технологиями**. Или **нано-био-инфо-когнитивными технологиями (НБИК)**.

Из четырех разновидностей конвергентных High-Hume-технологий наиболее тесно связаны с политической сферой информационные технологии. Среди них можно выделить:

1) политические технологии, связанные с обработкой информации с целью превращения ее в инструмент управляющего воздействия (аналитика и прогнозирование);

2) политические технологии (именуемые иногда также PR-технологиями), связанные с использованием информации как инструмента управляющего воздействия (манипулирование и контроль).

В широком смысле – это практически любые приемы воздействия на сознание и подосознание с целью получения нужного результата (вплоть до прямой фальсификации этого результата). В узком смысле – это (если оттолкнуться от трактовки именующих себя «пиарщиками» западных политтехнологов, работавших в Восточной Европе [11, с. 269]), отождествляемая с PR-практикой совокупность методов и приемов управления восприятием в каждой из трех информационных сред человека, существующих одновременно и параллельно друг другу (реальной, символической и виртуальной).

В плане хронологического становления и формирования, а также внутренней специфики (в меньшей мере, так как здесь грани зачастую весьма условны), политические технологии, связанные с использованием информации как инструмента управляющего воздействия, можно разделить на:

1. Политические PR-технологии. Появились в начале XX века и формировались в ходе Первой мировой войны и первой половины столетия.

2. Политические психотехнологии. Появились в середине XX века и формировались в ходе Второй мировой / «Холодной» войн и второй половины столетия. И те, и другие являются конвергентными управленческими технологиями. Ранее подобные технологии преобразовывали/изменяли в основном процесс управления производством, но не его субъект, т. е. самого человека. Сегодня, благодаря нано-, био- и когнитивной составляющим, в том числе комбинируемым с генно-инженерным High-Tech, они все сильнее ориентируются на изменение сознания и самой природы человека, включая ее «генную модификацию»¹.

В политическом смысле они все больше напоминают пресловутую «промывку мозгов» и прочие кажущиеся «канувшими в лету» якобы иррациональные и оккультно-магические психотехники – которые на деле зачастую являются практиками (технологиями) управления, совершенствовавшимися веками.

Наглядный пример – сам ритуал «промывки мозгов», давно известный на Востоке. Пришедшее на Запад в середине XX века в ходе корейской войны, это выражение представляет буквальный перевод с корейского словосочетания «чистка мозгов». После ночи колдовских операций и заклинаний жрецы ведут посвящаемого в особые покои, где вскрывают ему череп, вынимают мозги и, промывая, чистят их, давая таким образом возможность приобщения к сверхъестественному. На самом деле череп никто не вскрывает и к мозгу не прикасается, но ритуал построен так, чтобы человек не усомнился в реальности воспринимаемой благодаря комплексной био-когнитивно-информационной обработки. Человек оказывается в месте проведения ритуала, когда он уже сломен, доведен до полного психического истощения и готов принять любые идеи, «вложенные в голову».

¹ Пример: совершившая революцию в генетике в середине 2010-х гг. технология генетического редактирования (редактирования генома) CRISPR/Cas9, способность которой редактировать (изменять или удалять) условно ошибочные участки ДНК человека, пропагандируется на постсоветском пространстве российским генетиком и молекулярным биологом, профессором РАН Д. В. Ребриковым – проректором по научной работе РНИМУ им. Пирогова, сотрудничающим с Центром акушерства, гинекологии и перинатологии им. академика В. И. Кулакова. (Подробнее см.: Russian biologist plans more CRISPR-edited babies // nature.com, 10.06.2019; Что стоит за заявлением российского ученого о генетическом редактировании эмбрионов // forbes.ru, 11.06.2019).

Разница между средневековой и современной High-Nume технологией лишь в деталях: в доиндустриальном обществе минувших веков это делалось на доинформационном этапе развития технологий. В индустриальном обществе словосочетание «brain-washing» уже прочно вошло в политический обиход со времен войны в Корее — благодаря американским летчикам, которых после «промывки мозгов» в северокорейском плену демонстрировали западным СМИ.

Некоторые западные исследователи даже приписали авторство технологии, использованной корейскими и китайскими коммунистами для психо-идеологической обработки американских военнопленных во время войны в Корее, профессору психологии Массачусетского технологического института Эдгару Х. Шейну (англ. Edgar H. Schein, Professor of Organizational Psychology at M.I.T.). Действительно, идеи и разработанные на их основании методики западного ученого напоминают древние восточные психотехники. Шейн изложил их тезисно в 1962 году на симпозиуме, организованном Федеральным бюро тюрем, в рамках программы повышения квалификации работников тюрем США, следующим образом:

«Для того чтобы добиться заметной перемены в поведении или взглядах человека, необходимо ослабить, подорвать или устранить те его установки, которые закрепляли прежнюю манеру поведения или прежние взгляды... Этого можно добиться либо путем помещения человека в иную среду и разрыва всех его контактов с теми, кто ему не безразличен, либо путем внушения ему, что те, кого он уважает, не только не заслуживают этого, но и не должны пользоваться ни малейшим доверием с его стороны. Если при этом он будет постоянно находиться в такой обстановке, которая предполагает поощрение или наказание, применяемые исключительно в целях закрепления новых взглядов и манеры поведения, и обеспечивает возможность возникновения новых контактов, позволяющих строить новые взаимоотношения, весьма вероятно, что этот человек усвоит такие новые взгляды и манеру поведения...» [12, с. 3].

Для решения подобных задач общество более архаичное в информационном и технологическом плане вынуждено чаще и грубее использовать вместо «магии» информационных и прочих High-Nume технологий административное принуждение и насилие над свободной волей граждан, беря на вооружение в ряде случаев в качестве политической технологии и террор (хотя и не всегда удачно обеспечивая его информационную составляющую). Более современное общество располагает для этого соответствующими конвергентными технологиями, прежде всего, информационными. Это позволяет насаждать идеи и господствующие модели сознания/поведения [управлять] несравненно более мягкими методами. Благодаря этому, в современном информационном обществе зачастую уже не бытие определяет сознание, а, наоборот, сознание определяет бытие. А человечество все больше напоминает хирурга, делающего самому себе операцию на открытом мозге. Причем грани рационального восприятия такой «промывки мозгов» размываются все сильнее.

Древние политические [психо]технологии сохраняли в сфере управления человеком и социумом элементы иррационального и технократического. Техника XXI века, наоборот, предельно рационализировала процессы социального управления, превратив их в сферу применения технологий, зачастую сделав ненужным «окультурно-магическое» обрамление. В результате, мы получаем следующее.

С одной стороны, информационное общество способствует диффамации «традиционных» политтехнологий жрецов прошлого и прочих средневековых колдунов-окультистов – за счет «прозрения» масс и возможности выстраивания современным человеком адекватной информационной картины окружающего. Именно поэтому Макс Вебер считал, что процесс «расколдовывания мира» в XX веке стремительно ускорился [13, с. 342]. Действительно, в условиях гиперинформационного общества людям проще нащупывать и осознавать контуры реального мироустройства.

С другой стороны техносфера как бы загоняет человека в ячейку матрицы, стирая его индивидуальность и «вытачивая» из личности стандартный винтик-деталь социальной системы. На подобное *влияние механизации на общественные отношения* обратил в свое время внимание американский философ XX века Льюис Мамфорд, отметив, что техника перестраивает общество в соответствии с собственными параметрами, превращая социальные институты и организации в собственное подобие.

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение политических технологий – это управленческие конвергентные High-Hume (НБИК) технологии, связанные с форматированием человеческого сознания – коллективного и индивидуального благодаря обработке информации превращающей ее в инструмент управляющего воздействия (аналитика и прогнозирование) и использованию информации как инструмента управляющего воздействия (манипулирование и контроль).

Список использованных источников

1. *Токвиль, А.* Демократия в Америке / А. Токвиль. – М.: Прогресс, 1994. – 554 с.
2. *Паренти, М.* Демократия для немногих / М. Паренти. – М.: Прогресс, 1990. – 504 с.
3. *Барт, Р.* Мифологии / Р. Барт. – М.: Изд-во бр. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
4. *Бодрийяр, Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.
5. *Бурдье, П.* Начале / П. Бурдье. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.; *Бурдье, П.* О Телевидении и журналистике / П. Бурдье. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
6. *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Ин-т экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
7. *Lazarsfeld, P. F.* The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign / P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet. – New York: Duell, Sloan and Pearce, 1944.; *Lazarsfeld, P. F.* An Episode in the History of Social Research / P. F. Lazarsfeld // The Intellectual Migration: Europe and America, 1930–1960 / ed. by D. Fleming, B. Bailyn. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. – PP. 270–337.; *Воробьев, А. Н.* Становление американских электоральных исследований: Пол Лазарсфельд и «Выбор народа» / А. Н. Воробьев // Социологический журнал. – 2018. – Том 24. № 3. – С. 163–179.
8. Abraham Maslow: A Theory of Human Motivation // Psychological Review. – 1943. – Vol. 50, № 4. – PP. 370–396.; Abraham Maslow: Toward a Psychology of Being. – Start Publishing LLC, 2013. – 192 p.; *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008.
9. *Джабасов, А. А.* Политические технологии избирательных кампаний: проблема категориального осмысления / А. А. Джабасов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. – 2000. – № 2. – С. 58.
10. *Демидченко, В. В.* Понятие политических технологий: сущность, формы и виды / В. В. Демидченко // Власть, 2015. – Вып. 12. – С. 140.

11. Виллард, П. Пиарщик / П. Виллард. – Москва, Киев: Vidalia House, «Саммит-Книга», 2004. – С. 269.
12. Edgar H. Schein: New Horizons for Correctional Therapy // *Corrective Psychiatry and Journal of Social Therapy*, second quarter 1962. – Vol. 8. – № 2.
13. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
14. Wilson, A. "Political technology": why is it alive and flourishing in the former USSR? [Электронный ресурс] / A. Wilson. – 2021. – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/political-technology-why-is-it-alive-and-flourishing-in-former-ussr/>. – Дата доступа: 02.02.2021.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

В. А. Мельник

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

V. Melnik

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus,
Minsk

УДК 321.01

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

MORPHOLOGICAL ASPECTS OF STATE IDEOLOGY

В статье рассматриваются морфологические аспекты, или особенности структурных элементов идеологических построений, на примере идеологии белорусского государства.

Ключевые слова: идеология; государственная идеология; концепт; морфология; структурные составляющие государственной идеологии.

The article examines the morphological aspects, or features of the structural elements of ideological constructions on the example of the ideology of the Belarusian state.

Keywords: ideology; state ideology; concept; morphology; structural components of state ideology.

В связи с внесением поправок в конституции Российской Федерации и Республики Беларусь в среде политической элиты и сообщества ученых возрос интерес к феномену идеологии и государственной идеологии в частности. Если четверть века назад, когда разрабатывались эти основополагающие для жизнедеятельности современных обществ документы, их содержание считалось свободным от идеологической ангажированности, то теперь оно рассматривается, по существу, как выражение интересов образующих данные государства народов. Это позволяет квалифицировать конституции современных государств не только как основные их законы, но и как главные источники их идеологий.

Очевидно, что в данных условиях в интеллектуальных кругах наших стран вновь возрастает интерес к феномену идеологии. Как мы полагаем, к настоящему времени в основном завершены споры о том, какой социальный феномен следует обозначать термином «идеология», каково его соотношение с наукой и какую роль он выполняет в обеспечении жизнедеятельности обществ